

Е. Ф. ЖУПИКОВА

Повстанческое движение на Северном Кавказе в 1920–1925 годах

⟨Фрагмент⟩

Глава III

Роль стран Антанты, Врангеля, Турции, меньшевистской Грузии
в поддержке повстанчества Северного Кавказа

*§ 1. Роль Англии, Франции, Врангеля, Грузии
в поддержке повстанцев в 1920 году.*

*Врангелевский «Комитет содействия горцам
и терским казакам по их освобождению от большевиков»*

После поражения армии Деникина Врангель, а за его спиной французская и английская буржуазия стремились сохранить свое положение на Кавказе, который привлекал их богатством природных ресурсов и возможностью создать здесь буфер, способный помешать проникновению революционных идей из Советской России в страны Востока. На этот раз свержение советской власти Англия и Франция предполагали осуществить с помощью антисоветского повстанческого движения.

21 марта 1920 г., сложив с себя командование армией, А. И. Деникин назначил генерала П. Н. Врангеля своим преемником на посту главнокомандующего.

В роли спасителя разгромленной и разлагающейся деникинской армии выступила Антанта. Англо-французский флот принял самое активное участие в вывозе остатков деникинских войск в Крым и Константинополь и в боях при обстреле морского побережья. Правительство Антанты выступило посредником между Врангелем и советским правительством «в интересах мира и гуманности», предлагая через верховного комиссара Британии в Константинополе адмирала де Ребека вступить им в переговоры. 9 апреля 1920 г. де Ребек, прибывший в Сочи, заявил на совещании, что борьбу надо продолжать, так как от обеих сторон ответа не последовало.

Вскоре Англия обратилась к советскому правительству с требованиями о неприкосновенности Крыма и прекращении вооруженной борьбы с Врангелем, предупреждая, что «в противном случае

английским морским силам будет предписано принять меры против вторжения советских войск в Крым».

Результатом непосредственного вмешательства Антанты явилось то, что Врангелю удалось преодолеть распад Добровольческой армии, создать на ее основе «Русскую армию» и укрыть ее в Крыму, образовать в апреле 1920 г. «Правительство Юга России», которое возглавил А. В. Кривошеинов. Обстановка способствовала Врангелю: польская армия вступала в это время в пределы Украины и Советской России.

Задачи, поставленные Врангелем перед «Русской армией», были гораздо скромнее деникинских устремлений на Москву. «Все должно быть сделано, чтобы удержать с помощью союзников последний кусок на Советской России», — писал Врангель в своем обращении к войскам после поражения Деникина. 11 апреля 1920 г. в интервью с сотрудниками крымских газет он еще раз подтвердил, что не хочет идти на Москву, а имеет целью создать на клочке русской земли такой порядок и условия, которые бы «потянули к себе народ». Но уже в мае 1920 г. Врангель заявил о беспощадной борьбе «с красной нечистью», о необходимости «дать наконец России настоящего хозяина».

С конца июля 1920 г. и министр врангелевского правительства П. Б. Струве, который должен был пропагандировать в Европе демократичность политики Врангеля, перестал говорить о мирных переговорах с большевиками.

Колебание планов Врангеля отражало колебание английской политики в отношении России, которое в немалой степени зависело от успехов антисоветских сил. В апреле 1920 г. британское правительство выступило посредником между советским правительством и Врангелем, предлагая армии Врангеля сдаться, за что выговаривало ей амнистию у советского командования. 8 мая 1920 г. парижские «Последние новости» сообщили о повороте в правительственной политике Англии по отношению к русским делам — основой ее политики стала поддержка Врангеля. «На изменение политической ситуации, — писала газета, — повлияли три фактора: 1) неожиданная для англичан активность Врангеля в Крыму, 2) занятие большевиками Баку, угроза Батуми и Армении, 3) польское наступление на Украине.

Следствием изменения английской политики явилось возобновление снабжения армии Врангеля, что было весьма сочувственно встречено руководящими кругами Франции и белой русской эмиграцией. «Снабжение войск Врангеля протекает в настоящее время чрезвычайно интенсивно», — с удовлетворением сообщали милковские «Последние новости» 19 мая 1920 г.

Врангелю удалось продлить на 2 месяца договор английского правительства с Деникиным, срок действия которого, по данным английской прессы, истекал 20 марта 1920 г. Кредит в 15 млн фунтов стерлингов, открытый Деникину и не израсходованный им, в силу

преемственности власти Врангеля, был предназначен теперь для его правительства и армии.

Наряду с этим Англия предоставила «Правительству Юга России» необходимые средства для ведения войны: моторные суда, гидроаэропланы, скорострельную артиллерию, пулеметы. К врангелевскому правительству были прикомандированы генерал Перси, который возглавлял английскую военную миссию в Севастополе, консульство во главе с капитаном Боллом; создавалась британская администрация, прибыли английские военные суда «Мальборо», «Эйжекс» и другие. Англия приложила много сил, чтобы отстоять Крым и помочь осажденным Красной армиией белогвардейцам. «Под защитой дипломатических нот лорда Керзона, речей Ллойд-Джорджа и особенно снарядов Черчилля, — передавала эмирская газета сообщение советского радио, — Врангель развивает свое наступление на Украине».

Сочувствие английского пролетариата Советской России, его солидарность по отношению к ней чрезвычайно затрудняли оказание помощи врангелевской армии. Английское правительство вынуждено было прибегать к скрытой помощи, выражавшейся в виде специальных кредитов, посылки оружия контрабандой, отпуска товаров через частных лиц и пр.

Истощенная войной Европа после Версальского мира нуждалась в русском сырье, в привозном хлебе. Демилитаризация промышленности и хозяйственная разруха создавали целые армии безработных, которые находили выход из экономического тупика в революционных выступлениях.

В таких условиях и борьба с Советской Россией, и политика ее блокады становилась для Антанты делом весьма затруднительным. К тому же политика крымского правительства, вызвавшая резкое неприятие ее крестьянами, свела на нет все военные успехи Врангеля в северной Таврии. Население чуть ли не поголовно уклонялось от мобилизации и уходило к «зеленым». Даже кулаки Украины не согласились на союз с Врангелем. Жизнь заставляла европейские державы если не формально, то фактически признавать советское правительство, вступать с ним в переговоры о заключении торговых соглашений. Из стран Антанты первой в этом отношении была Англия.

После заключения Советской Россией перемирия с Польшей 17 октября 1920 г. английское влияние на юге сходит на нет. Ослабление его было вызвано, с одной стороны, выявлением крепости советского правительства, с другой — требованиями английской экономики ориентироваться на «фактически существующее правительство России». Уже переговоры Ллойд Джорджа с Л. Б. Красиным пробили брешь в отношениях Англии к крымскому генералитету, что вызвало горечь в рядах добровольцев и недовольство английских представителей на юге России.

20 июля 1920 г. первый лорд адмиралтейства Лонг ответил в палате общин депутату Кенворси, что британская морская миссия при Врангеле отозвана. Отъезд из Крыма генерала Перси и оставление при ставке Врангеля лишь в целях осведомления английского консульства во главе с капитаном Боллом знаменует собой конец английского влияния на южнорусские белогвардейские силы.

Роль протектора переходит к французским биржевым дельцам и правительству Франции, поддерживавшим Врангеля и раньше. В то время, как умеренное крыло английского кабинета министров, представленное Ллойд Джорджем, склонялось к тому, чтобы признать советское правительство, французский кабинет министров был настроен непримиримо по отношению к Советской России, требуя у нее уплаты царских долгов.

Царская Россия была в неоплатном долгу у французских кредиторов. 5 млрд руб. довоенного долга возросли за годы войны до 55 млрд руб. Одних только процентов Россия должна была платить ежегодно 2,5 млрд руб. при годовом бюджете в 3 млрд руб.

Францию привлекало не только русское золото, которое она считала своим. Юг России, Украина, Донская область, Кубань могли дать Франции недостающее ей сырье. Во французской влиятельной прессе приводились данные о неисчерпаемых природных богатствах Украины и Дона. Донбасс приковывал внимание французских капиталистов, мечтавших о соединении северных районов Украины с портами Черного моря, откуда можно было вывозить уголь во Францию.

Министр финансов правительства Врангеля М. В. Бернацкий¹ в июле 1920 г. заявил о том, что правительство Врангеля «всегда стояло и стоит за признание всех обязательств России по отношению к иностранным державам и будет их выполнять». Он сказал, что это «один из первых актов его после освобождения России от большевиков».

В начале августа 1920 г. Франция признала правительство Врангеля. По поводу признания Врангель заявил: «Нота Франции является справедливым и благородным выражением признательности одного союзника за жертвы, принесенные другим союзником в общем деле. Владея Доном и Кубанью — двумя самыми богатыми житницами хлеба в России, — мы будем вскоре в состоянии вывозить за границу огромное количество зерна и съестных припасов в обмен на фабрикаты, в которых нуждаемся».

Врангель преувеличивал свою роль, считая себя равноправным союзником Франции. Уже после его падения английская газета «Манчестер Гардиан» писала: «Он был, в сущности, орудием в руках мощной деловой организации, главная квартира которой находится в Париже. Общество это, называющееся “Русско-французским обществом для использования южной России и Крыма”, было учреждено в начале 1920 г. с капиталом в 12 млн франков группой

франко-русских финансистов и промышленников. В состав общества входили главные акционеры железных рудников Кривого Рога и угольных копей Донбасса. Общество закупало большие запасы платья и снаряжения для врангелевской армии, надеясь оплатить поставки продажей хлеба и других крымских продуктов. Позднее они рассчитывали продолжить дело путем вывоза железа и угля. Им в самом деле удалось вывести в Марсель несколько кораблей с грузами, проданными по хорошей цене».

Ясно, что в Париже придавали чрезвычайно важное значение военным операциям южной армии. Чтобы держать Францию в курсе военного положения на юге, служить советником Врангеля и видеть, в чем нуждается его армия, 8 октября 1920 г. в Крым выехала французская военно-морская миссия под начальством генерала Брусо, который считался в военном министерстве Франции одним из самых талантливых молодых генералов, много занимавшимся военными вопросами периода Гражданской войны в России. Независимо от него в октябре же в Севастополь выехал верховный комиссар Франции при правительстве Врангеля де Мартель, который должен был установить (как говорилось в инструкции Министерства иностранных дел, подготовленной для него) коммерческие и дипломатические отношения между Крымом и Францией. В качестве личного секретаря его сопровождал комендант французской армии Пешков.

На самом деле миссия де Мартеля была гораздо значительнее: он должен был осведомлять Францию о прочности положения правительства Врангеля. «Дальнейшая деятельность Франции в Крыму будет в значительной зависимости от донесений г. Мартеля», — говорилось в русской эмигрантской прессе.

После военно-экономического совещания в Крыму и парадного обеда, устроенного Врангелем в честь высокого гостя, де Мартель, ознакомившись с положением дел, рекомендовал французскому правительству усилить военную помощь Врангелю, хотя и до этого Франция открыто признавала, что «оказывает в настоящее время Врангелю полную моральную и материальную поддержку». Ходатайство его о 100 млн франков французское правительство удовлетворило, за что получило гарантию о 50 % экспорта продовольствия из Крыма. Средства от продажи предметов экспорта шли на погашение долга.

Начался планомерный вывоз русского хлеба, который везли в Марсель пароходы бывшего Российского общества пароходства и торговли (РОПИТ) «Евфрат» и «Иерусалим». Их регулярные рейсы организовало французское пароходное общество «Месажер Маритим». В начале октября в Марсель прибыл пароход «Константин» с 4500 т ячменя. Представитель Врангеля, сопровождавший его, сообщил, что в течение ноября прибудут еще 7 пароходов с зерном общим весом 30 тыс. т. Три из них уже находились в пути.

Вместо хлеба в адрес Врангеля поступали уголь и керосин, сахар и медикаменты, вооружение и инженерное имущество, сапоги, мануфактура и кожа для армии. Каждые 5 дней пароходы «Цесаревич Георгий», «Константин», «Русь» отходили из Константинополя с грузом для Врангеля и через неделю разгружались в Севастополе. 20 октября пароходы «Веста» и «Аскольд» доставили в Крым 12 тыс. т угля, медикаменты, сахар. 23 октября греческий пароход «Кекуэн» и английский «Леди Элеонора» привезли 10 тыс. т угля и 100 тыс. т мазута. 12 тыс. т военного снаряжения, предназначавшегося Колчаку, также попали Врангелю. 18 октября прибывший из Владивостока пароход «Омск» снабдил врангелевскую армию американскими сапогами (92 тыс. пар), мануфактурой и кожей (1800 т), значительным количеством инженерного имущества. Грузы в Севастополь шли и из Марселя.

Часть денежных субсидий, вооружения, обмундирования, полученных Врангелем от его покровителей, предназначалась для северокавказских повстанцев, которые занимали особое место в планах Антанты и Врангеля.

«Я отлично понимаю, — говорил Врангель, — что без помощи русского населения нельзя ничего сделать, надо на кого-то опереться, для того, чтобы иметь, прежде всего, запас человеческой силы, из которой можно черпать». Не сумевший создать себе социальной опоры среди крестьянства, Врангель после неудач в Северной Таврии делает ставку на казачество и горцев Северного Кавказа, на поднимавшее там голову повстанческое движение. Прежде всего его интересовала Кубань, Тереку пока отводилась роль резерва.

Антисоветское движение на Кубани Врангель планировал начать в августе 1920 г. Для его подготовки многочисленные врангелевские агенты с помощью довольно щедрых денежных субсидий превратили остатки бесчисленных деникинских отрядов, скрывавшихся в балках, плавнях Кубано-Черноморской области из «отрядов спасения самих себя» (так их называли агенты в отчетах Врангелю из-за их критического положения) в силу, серьезно угрожавшую советской власти на Кубани. На подготовку восстания, как о том свидетельствует донесение одного из доверенных лиц Врангеля генерала Султан-Келеч-Гирея от 26 сентября 1920 г., было затрачено 300 млн руб. Генерал просил еще 100 млн.

Отдельные группы белогвардейцев, сначала разрозненные, были объединены под руководством белых офицеров в войсковые соединения — взводы, сотни, эскадроны, батальоны, полки, бригады, дивизии. Из них состояла кубанская «Армия возрождения России» под командованием генерала П. П. Фостикова, насчитывавшая в своих рядах, по данным самого генерала, до 25 тыс. человек, по мнению историков — до 12–30 тыс. штыков и сабель.

Для привлечения к участию в восстании казаков Врангелю необходим был союз и их бывшими правительствами, которые незави-

сими от своего местонахождения (Константинополь, Грузия, Крым, Париж) продолжали распоряжаться судьбой казаков, были ли они в армии Врангеля или в станицах Северного Кавказа.

14 мая 1920 г. член Донского правительства Г. К. Карев, приехавший в Париж, обещал, что «в ближайшее время в Крым съедутся все члены правительства, где определят политику Дона». Не надеясь своими силами свергнуть советскую власть на Дону («Донское правительство разъединилось, Донская армия распалась»), он высказался за «объединение Дона, Кубани, Украины» и попросил помоши у Антанты: «Перед нами стоит задача возрождения армии, и здесь нам нужна помощь Антанты».

14 июня делегат Терского казачьего войска в беседе с корреспондентом «Последних новостей» заявил, что терцы стремятся к созданию Всероссийского казачьего союза, в который должны войти все казачьи войска.

Против союза выступили только кубанцы. Председатель Кубанской Краевой рады и председатель Верховного круга И. П. Тимошенко 25 июня 1920 г. в беседе с представителями печати заявил, что они имеют довольно сильное ядро Кубанской армии в Сочинском округе, которое постоянно пополняется. Армия имеет достаточное количество вооружения и готова перейти в наступление против большевиков.

Кубанская рада не ставила своей целью поход на Москву, а стояла за создание «независимой» Кубани. Наиболее видные деятели Рады И. П. Тимошенко, Л. Л. Быч считали наступление Врангеля авантюрией, заранее обреченной на неудачу. В декларациях к правительствам Грузии, Армении, Азербайджана, в возваниях к населению Кубани, Черноморья и Ставропольской губернии Кубанская рада призывала к борьбе с советской властью «собственными силами только в пределах своего края». Учитывая «опыт прошлого» (разгром армии Деникина), а также «состояние сил каждой из окраин и всей России», бывшее правительство Кубани «отказывалось от миссии своими силами освободить и вернуть всю Россию».

Тимошенко и Быч были против соглашения с Врангелем, а когда 2 апреля 1920 г. оно все же было подписано, Президиум рады объявил его недействительным: соглашение не имело подписи председателя войскового правительства. Договор вызывал резкую критику потому, что создавал для Кубани «зависимость военную и политическую» от Врангеля, чем «нарушал суверенитет и конституцию края». Кроме того, кубанцы не без основания опасались, что по договору, разрешавшему Врангелю вывозить хлеб и сырье из казачьих областей, «все богатства Дона и Кубани будут вывезены за границу».

Разногласия между частью членов Кубанской рады и Врангелем не были столь серьезными, чтобы перерасти в разрыв, так как ближайшая цель у них была одна. 2 апреля 1920 г. Главное командование заключило с войсковыми атаманами предварительное соглашение,

подписанное, с одной стороны, Врангелем, с другой — донским атаманом генералом Богаевским², кубанским атаманом генералом Букретовым³ и терским атаманом генералом Вдовенко⁴.

Соглашение передавало всю полноту власти над казачьими вооруженными силами генералу П. Н. Врангелю. В отношении внутреннего гражданского устройства казачьи войска и области были независимы от командующего. Врангель не мог вести переговоров, затрагивающих интересы казачьих войск, без ведома их атаманов.

22 июля (4 августа) 1920 г. «в развитие соглашения 2 (15 апреля) 1920 г. и во исполнение его последнего пункта был заключен союз Врангеля с казаками Дона, Кубани, Терека и Астрахани «ввиду совместно предпринятой борьбы за освобождение России от большевиков». Он назывался: «Соглашение между Правителем и Главнокомандующим Вооруженными Силами на Юге России и Атаманами и Правительствами Дона, Кубани, Терека и Астрахани». Под соглашением, «учиненном 22 июля (4 августа) 1920 г. в Севастополе», стоят подписи П. Н. Врангеля, председателя его правительства А. Кривошеина, начальника штаба Врангеля генерал-лейтенанта Шатилова. От Донского казачества договор подpisал атаман Богаевский и представитель правительства войска Донского Корженевский; от Кубани — и. о. Кубанского войскового атамана В. Иванис и член войскового правительства Захаров; от Терека — терский атаман Вдовенко и председатель Терского войскового правительства Е. Н. Букановский; от астраханского казачества — астраханский атаман Ляхов Н. В. и председатель правительства Санжи-Баянов.

Договор вновь подтвердил автономию казачьих областей по вопросам внутренней организации и управления. В распоряжение Врангеля как главнокомандующего всеми войсками казачьих земель договор предоставлял: все продовольственные и другие ресурсы казачьих областей, управление железными дорогами и телеграфными линиями, сношения и соглашения с иностранными державами, уничтожение таможен между казачьими областями, взимание налогов с населения, право выпуска денежных знаков.

Казачьи войска, по условиям договора, должны были занять весь Северный Кавказ и Закавказье, отделить их от Советской России. Соглашение имело силу «до полного окончания Гражданской войны».

В июле-августе 1920 г. Врангель высадил десанты общей численностью 12,5 тыс. штыков и сабель в Приазовье и на Кубани, об условиях высадки которых он заключил в июне 1920 г. соглашение с английским правительством.

Накануне высадки генералам и офицерам, командированным в Кубанскую и Терскую области, были даны секретные инструкции, предписывавшие им объединить действия всех повстанческих групп, свести их в правильные воинские соединения, установить среди них строгую воинскую дисциплину, полностью подчинить их уполномо-

ченным Врангеля. «По мобилизации казаков, — говорилось в инструкции, — по возможности соразмерно поднимать иногородних и желающих горцев». Во главе десантного отряда, который должен был развернуться в армию и подчинить себе все повстанческие отряды, оперировавшие на Северном Кавказе, Врангель назначил генерала Улагая.

Когда в начале июля 1920 г. в штабе повстанческих отрядов стали военспецы, создавшие из разрозненных групп боевые единицы, повстанцы стали занимать станицы (в апреле–июне они ограничивались короткими набегами на них), превращая их в опорные пункты для общего наступления. В июле повстанческие отряды Кубани были объединены в «Армию возрождения России» под командованием М. А. Фостикова. Успешное продвижение войск Врангеля послужило сигналом для ее наступления на Армавир и Моздок. На Кубани создалось два фронта, пытавшихся охватить кольцом центральные районы и свергнуть здесь советскую власть.

Тревожная обстановка для большевиков сложилась и в Донской области, которой с северо-запада угрожали отряды анархистов, с запада — части белогвардейцев, в центре — подпольные антисоветские организации, с которыми Врангель к тому времени установил контакты.

К активным действиям перешли повстанцы Терской области, объединенные врангелевским «Комитетом содействия горцам и терским казакам по их освобождению от большевиков». Положение осложнилось настолько, что в августе 1920 г. был создан Кавказский фронт, в состав которого вошли войска расформированного СКВО.

При помощи армии Фостикова, десантов Врангеля, при поддержке повстанцев Дона и Терека врангелевцы овладели частью Кубани, где немедленно начали проводить реставрацию дореволюционных порядков.

Разбирая потом причины своих неудач, сами белогвардейцы обвиняли представителей главного командования, прибывших на Кубань, в одержимости «твердой властью». «Беспринимно злобствовавшие против казачества, — говорил заместитель кубанского атамана Винников, — они дали простор своим чувствам при первой же встрече с казачьими станицами и сразу изменили отношение местных казаков к десантным войскам... Генерал Черепов, высадившийся со своим отрядом у станицы Анапской, созвал казаков и объявил им: «Ну, кончились ваши круги и рады, и выборные атаманы. Довольно нахмурились и нарадовались... Пора и твердую власть установить!» Полковник Крыжановский, земельный собственник Таманского отдела, приказал выпороть одного из уважаемых граждан станицы этого отдела, казака, который не отдал ему честь.

В станицах начались крупные реквизиции, участились насилия и произвол. «Население стало с ужасом прятаться от представителей “твердой власти”, в станицах появились пустые избы» — говорил Винников.

Если в августе—начале сентября 1920 г., о чем свидетельствует разведсводка разведотдела штаба СКВО, около 80 % населения поддерживало повстанцев, то к концу сентября за ними шло только 20 % населения.

«Десант провалился, — писал В. И. Ленин, — потому что кубанский казак хотя и богат хлебом, но он прекрасно знал, что значат эти обещания Учредительного собрания, народовластия и прочих прекрасных вещей, которыми мажут дураков по губам эсеры, кубанские казаки верили им, когда они так красно говорили, но в результате они поверили не словам, а делу, они увидели, что большевики, хотя народ и строгий, но все-таки с ними лучше. В результате этого Врангель полетел с Кубани».

К 10 сентября 1920 г. десанты Врангеля и «Армия возрождения России» были разгромлены советскими войсками Кавказского фронта.

С сентября 1920 г. ударными центрами повстанчества становятся Терская область и Дагестан. Здесь вспыхнул антисоветский мятеж, который превратился в настоящую войну, длившуюся с сентября 1920 г. по май 1921 г. Возглавили мятеж имам Н. Гоцинский и полковник К. Алиханов. Идейным вождем движения стал внук Шамиля Саид-бей. Организаторы мятежа смотрели на него как на знамя нового «газавата» против «иноверцев» и как на будущего имама.

В начале октября 1920 г. подняли восстание казачьи станицы Терской области.

Главной организацией, призванной готовить восстание в Терской области, был врангелевский «Комитет содействия горцам и терским казакам по их освобождению от большевиков».

Деятельность его началась в июне 1920 г. в Тифлисе, в доме № 7 княгини Эристовой по ул. Ольгинской, где был создан штаб по вербовке всех желающих бороться против советской власти. Основателями комитета были личные друзья Врангеля — генерал-лейтенант князь Н. И. Меликов и генерал-майор князь Туманов (во время Первой мировой войны они командовали кавалерийскими корпусами), а также чеченский князь Ахмет-хан Эльдаров, занимавший видное место среди сотрудников бывшего командующего войсками Северного Кавказа при Деникине генерала Эрдели. Эльдаров имел тесную связь с Врангелем еще до создания комитета. У него была своя организация, которая, пользуясь большим доверием Врангеля и грузинского правительства, вербовала белогвардейских офицеров, бежавших в Грузию с Северного Кавказа и грузинских офицеров.

Персональный список личного состава комитета, препровожденный Врангелю, был таков:

1. «Председатель комитета — генерал-лейтенант князь Туманов.
2. Заведующий оперативным и военно-административным отделом — генерал-лейтенант князь Меликов.

3. Его начальник штаба — вакансия до назначения из Крыма.
4. Заведующий по объединению городов и временно заведующий финансовым отделом — Лисицман (бывший член городской управы и заместитель городского головы г. Тифлиса).
5. Заведующий политотделом (внешним и внутренним) — поручик Погодин.
6. Представитель для связи с грузинским правительством и иностранными миссиями — полковник Натиев.
7. Представитель для связи с командованием ВСЮР.
8. Заведующий медчастью — вакантная.
9. Казначей — полковник Рогожин.
- Члены комитета для организации восстания на местах.
10. От терских казаков — полковник Портянка и генерал-майор Блажнов.
11. От Осетии — полковник Багаев.
12. От кумыцкой плоскости и Надтеречной части — ротмистр князь Эльдаров.
13. От Ингушетии — Муса Бузуртанов.
14. От Дагестана — Мавраев (бывший член городского правительства).
15. От Чечни — ротмистр Сарокаев.
16. Секретарь комитета — поручик Зипалов».

Копия с доклада Погодина в Крым, где содержался этот список, была снята советской контрразведкой 17 октября 1920 г.

Один из самых активных членов комитета, «нерв организации», как его называла советская контрразведка, поручик А. Погодин в своем письме на имя министра внутренних дел Грузии 12 ноября 1920 г., ничуть не преувеличивая заслуг комитета, подвел итог его деятельности. «За пять месяцев беспрерывной работы, — путем непосредственного сношения на местах с горскими деятелями, с начальниками небольших повстанческих отрядов удалось весь Северный Кавказ, а также много из лиц, находящихся на территории Грузии, связать общей сетью и к настоящему времени подготовить все, дабы поднять всеобщее восстание на Северном Кавказе».

Брангель и его комитет планировали начать восстание с захвата Владикавказа, Грозного, Кизляра и Моздока, чтобы отрезать от Ростова-на-Дону стоявшие здесь части Красной армии и уничтожить их. Для этого предполагалось занять железнодорожные пути, Военно-Грузинскую дорогу, закрыть горные ущелья в Осетии и Чечне, уничтожить красноармейские гарнизоны в крепостях Ведено и Шатой. «По взятии Владикавказа, — писал Погодин Брангелью, — борьба не может быть прервана даже на короткий срок до тех пор, пока не будет обеспечена база Армавир-Туапсе, с одной стороны, и, с другой стороны, пока большевики не будут отброшены за Сулак и не будет освобожден горный Дагестан и часть Азербайджана».

Невозможно определить всю сумму средств, затраченных комитетом на подготовку так широко задуманного восстания, можно говорить лишь о том, что комитет весьма щедро субсидировался самыми различными организациями и лицами многих стран. Данные о поступлении денег в фонд мятежников приводятся в разведыводках Кавказского фронта, в донесениях и докладах военной контрразведки, советских и партийных работников, красноармейцев, населения, в докладах и отчетах комитета.

В начале октября 1920 г. Меликов и Погодин составили смету на ежемесячное содержание комитета и 15 повстанческих отрядов, с которыми у него была налажена связь. Общая сумма расходов на содержание «кадра», «временных бойцов», связи, отделов штаба, на организацию мятежей в городах равнялась 98,5 млн руб. грузинскими деньгами или 50 млн руб. «керенками»*.

Поступления денег начались еще до составления сметы и значительно превышали испрашиваемую сумму. В июне князь Эльдаров получил от генерала Драценко в Батуме 11 млн руб. донской валютой для финансирования повстанцев Ингушетии, Осетии, Дагестана, Чечни. В августе неофициальный представитель Врангеля в Грузии генерал Пиковский привез из Севастополя 1 млн руб. в донской валюте. В сентябре он передал комитету еще 50 млн рублей. В конце сентября комитет получил из Крыма 70 млн руб. грузинской валютой, 7 октября — 50 млн грузинских рублей. Председатель исполкома чеченского села Беной и советские работники Дагестана сообщали о получении Гоцинским и Алихановым на подготовку восстания в Дагестане и Чечне 400 млн руб. Другие источники подтверждают факт прибытия от генерала Врангеля есаула Слоева с крупной суммой денег. 20 ноября Грузия снабдила горских представителей 15 млн рублей (в какой валюте — неизвестно. — Е. Ж.). Щедрая помощь Антанты позволила Врангелю повысить оклады военнослужащих в Крыму (для рядовых на Северном Кавказе в это время были в обращении деньги в донской, грузинской, советской валюте, а также «николаевки» и «керенки». Стоимость «керенских» примерно равнялась стоимости «николаевских», хотя последние на рынке брали охотнее. Стоимость донских и советских не превышала 10% стоимости «керенских». Грузинские были дешевле «керенских» примерно в 2 раза с 75 до 2000 руб., для офицеров с 8 до 37 тыс. руб. в месяц) и удовлетворить все денежные сметы комитета.

* На Северном Кавказе в это время были в обращении деньги в донской, грузинской, советской валюте, а также «николаевки» и «керенки». Стоимость «керенских» примерно равнялась стоимости «николаевских», хотя последние на рынке брали охотнее. Стоимость донских и советских не превышала 10% стоимости «керенских». Грузинские были дешевле «керенских» примерно в 2 раза.

Кроме того, комитет получал деньги в счет зерна, посыпаемого в Грузию из Крыма. Он заключил соглашение с грузинским правительством на поставку 80 тыс. т зерна. Зерно комитет получал на адрес английской фирмы в Батуме, а деньги за него выплачивались ему через другую фирму в Тифлисе. Если учесть, что в октябре 1920 г. в Батуме фунт пшеничного хлеба стоил 160 руб., то по этому соглашению комитет должен был получить еще около 500 млн руб.

Грузинское правительство помогло комитету установить прочную связь с французской миссией в Тифлисе. Он стал пользоваться материалами ее разведки, на ее адрес штаб Врангеля передавал шифром особо срочные сообщения для комитета; с помощью курьеров миссии осуществлялась связь с Крымом и получение денежных средств. На непредвиденные расходы комитет имел здесь кредит в размере 500 английских фунтов стерлингов*.

В конце сентября 1920 г. комитет доложил в Крым о готовности к восстанию. 15 организованных им отрядов общей численностью около 5 тыс. человек, по мнению комитета, были только «кадром», к которому должны были примкнуть еще около 5 тысяч «временных бойцов».

Агенты Врангеля предпринимали активные усилия, чтобы заключить с горцами Кавказа договор, подобный тому, который был заключен Врангелем с казаками. 22 августа 1920 г. поручик Погодин и ротмистр Ахмет-хан-Эльдаров от имени Врангеля вступили в соглашение с участниками нелегально созданного в Кистинском ущелье Терской области собрания представителей горцев, где присутствовали, как писал в своем отчете Врангелю Погодин, «почетные старики и руководители туземных масс, а также несколько представителей командного состава красных туземных войск во главе с командиром красной Ингушской бригады Хизиром Арцхановым». Погодин сообщает, что ему и Эльдарову удалось от имени Главного командования «войти в нижеследующее соглашение»:

1) Участники собрания согласились немедленно приступить к боевым действиям и своими силами очистить Терский край от большевиков с участием в этом деле красной бригады Х. Арцханова на следующих условиях:

1. Генералом Врангелем или его представителем будет дана письменная гарантия, что им или его представительством будет признана горская или горско-северокавказская республика, имеющая федеративную связь с Россией, и будет обеспечена полная независимость ее внутреннего устройства и управления.

2. Законодательная и исполнительная власть составляются, имея в основе пропорциональное представительство от народов, входя-

* Стоимость одного фунта стерлингов в Грузии осенью 1920 г. равнялось примерно 11 тыс. грузинских рублей, или 5 тыс. «керенками».

щих в состав территории Терского края и Дагестана, включая сюда казачество и иногородних.

3. Основанием для пропорционального представительства должна служить последняя перепись.

4. Отдельные народы: дагестанцы, чеченцы, осетины, ингуши, кабардинцы, а также казачество в пределах своей территории пользуются правами широкой местной автономии, а города, находящиеся на территории отдельных народов, также пользуются полной независимостью в их внутреннем устройстве и управлении». Города, по мнению Погодина, должны быть «экономическими и культурными центрами для всех народов, входящих в состав республики».

Поручик был явно доволен, что комитету удалось «войти в связь с большевистскими деятелями, в особенности с теми, которые занимают ответственные посты в советских туземных воинских частях, и привлечь их на свою сторону».

В пункте 5 соглашения говорилось, что «оружие и боевые запасы пока не требуются, т. к. тем и другим Х. Арцханов располагает в достаточном количестве в виде нетронутого запаса, находящегося в горах и перевезенного им в прошлом (1919) году на 500 выюках из Грузии для действия против Добрармии, что было установлено документально и известно многим офицерам штаба Командующего войсками Северного Кавказа».

Погодин сообщал Врангелю, что для содержания бригады Арцханова и прочих отрядов, которые будут в его распоряжении, «ему потребуется 50 млн общегосударственными деньгами. По получении гарантий и денег Арцханов и его единомышленники обязуются немедленно занять своими частями Владикавказ, Грозный, Кизляр и Моздок и вести дальнейшую борьбу, связанную с очищением Терского края от большевиков совместно с казаками».

Погодин считал достигнутое соглашение «довольно крупным фактором, значительно облегчающим работу освобождения края от большевиков», потому, что «Хизир Арцханов пользуется популярностью не только среди ингушей, но и чеченцев», и потому, что «он и его единомышленники опираются на реальную вооруженную силу, которую не надо создавать, она имеется налицо», и в особенности потому, что «арцхановская красная бригада при условии несогласия выступит против нас».

Состоявшееся собрание решило, «основываясь на вышеупомянутых фактах», еще до получения ответа от Врангеля относительно соглашения комитета с Арцхановым и его единомышленниками, «принять все меры к материальному удовлетворению Арцханова». Другие пункты постановления предлагали отряду полковника Голиева закрыть Алагирское и Кобанское ущелья, отряду ротмистра Сарокаева уничтожить гарнизоны красных в Ведено и Шатое, от-

ряду поручика Местоева было поручено «быть готовым к открытию действий по линиям железных дорог». Генерала Меликова попросили объединить все связанные с комитетом повстанческие отряды Дагестана, Чечни, Ингушетии, Осетии и возглавить их.

Погодин заверял Врангеля, что при усилении денежной помощи из Крыма «оказалось бы возможным не ограничиваться только скромной задачей и приступить к более широким операциям». «В случае же, если предложение командира красной Ингушской бригады Х. Арцханова оказались бы приемлемыми, т. е. просимые гарантии и деньги были бы даны, то при таких условиях вопрос об очищении Терского края от большевиков... был бы закончен в ближайший срок, максимум до декабря».

В подготовке мятежа Н. Гоцинского принимало участие и Горское правительство, бежавшее после победы советской власти на Тереке в Грузию. Встреча поручика А. Погодина с «группой лиц, именовавших и именующих себя Горским правительством» произошла в Тифлисе. После «детального изучения направления» Погодин с возмущением писал Врангелю о том, что «эта группа лиц не имеет решительно никакого влияния на народ, который она возглавляет», что «народ отказывается от этих лиц и не допускает их появления на территории горских народов». Особое негодование Погодина «группа лиц» (он в своих докладах ни разу не назвал их правительством. — *Е. Ж.*) вызывала тем, что она «все время делает потуги вести для русской государственности преступную политику и готовится к борьбе не с большевиками, а с казаками и вообще с русской государственностью (подчеркнуто Погодиным. — *Е. Ж.*) с целью изгнания первых из Терского края и осуществления горской независимой республики с полным отмежеванием от казачества и России».

Князь Меликов в июне 1920 г. создал новое Горское правительство из лиц, угодных комитету и имевших влияние среди горцев. В него вошли некоторые члены прежнего его состава, бывшие члены Дагестанского парламента и другие лица: Сахдула Гаджи Кашиев, Джебашев, Алихан Кайтмасов, генерал Керседадзе, полковник Чавчавадзе, Ахмет Цаликов, Александр Дадиди, полковник Алиханов, Сулейман Данелиян и др. Возглавить правительство было предложено внуку Шамиля Гази-Магомет-Саид-бею, но он отказался работать с ним. Премьером стал П. Коцев. Отделившись от правительства Коцева, работала «партия Бамматова-Кундухова», которую комитет хотел объединить с членами бывшего Дагестанского парламента, готовивших восстание в Дагестане и Чечне, но последние, по словам генерала Пиковского, не объяснив причины, «наотрез отказались».

Реформация Горского правительства не изменила его сути. Жалобы на него продолжают идти в Крым. Погодин, пристально следивший за ним, «выявил» связь «преступной группы лиц» с представителями штаба кемалистов в Тифлисе, Батуме и Трапезунде.

Прекрасно понимая, что «на Терский край должно быть обращено особое внимание, т. к. грозненская нефть является необходимой кровью правильного функционирования всего организма русской государственности», члены комитета настойчиво убеждали Врангеля ни в коем случае «не вверять Горскому правительству дело освобождения Горского края и Дагестана от большевиков».

Погодина возмущает, что «эта кучка авантюристов» получает «русские миллионы и проживает их на личные нужды, а отряды Голиева, Местоева и др. до 10 сентября ни копейки от Горского правительства не получали». (Горское правительство, как следует из документов комитета, финансировали Врангель, Грузия, бывшее правительство Азербайджана. — Е. Ж.) Далее Погодин писал, что чеченским разведчикам и юнкерам из Крыма, обратившимся за деньгами к Кундухову, тот ответил:

«Деньги, присланные командованием, пошли на более важное в целях горских народов назначение».

Борьба между врангелевским комитетом и Горским правительством закончилась победой комитета, который добился у грузинского правительства ареста 18 октября 1920 г. главы Горского правительства П. Коцева «за контакт с Кемаль-пашою». Победе в значительной степени способствовало и то, что Г. Бамматов перешел на сторону комитета и выступил против П. Коцева и всего правительства. Оно потеряло вес в глазах Врангеля и перестало получать от него денежные субсидии.

23 сентября 1920 г. состоялась встреча представителей комитета с членами бывшего Дагестанского парламента, которые, категорически отказавшись сотрудничать с Горским правительством, готовили восстание совместно с комитетом.

Дагестанцы заявили, что их устраивают условия, которые гарантирует Врангель (создание Горской автономной республики), заверили о готовности начать восстание и высказались за привлечение к нему Саид-бея, с которым они уже вели переговоры. Вечером этого же дня члены комитета встретились с Саид-беем.

Следует заметить, что последний долго колебался между Горским правительством и комитетом. Тот факт, что он перешел на сторону комитета и на этот раз сам был инициатором встречи, говорит о большом влиянии комитета на горцев, об авторитете врангелевской организации среди всей горской контрреволюции.

До встречи с комитетчиками Саид-бей побывал на границе Кахетии, где вел переговоры о восстании с представителями Осетии, Ингушетии, Дагестана, горной Чечни. Все они заверили его в полной поддержке, поэтому он хвастливо заявил врангелевцам: «Через несколько дней комитет убедится, насколько мое имя популярно в Дагестане и Чечне».

Во время беседы Саид-бей выражал крайнее беспокойство по поводу того, что агитация большевиков имеет большой успех у горцев,

поэтому убеждал комитет начать восстание как можно скорее. Комитет и сам спешил с его началом, т. к. перевалы через Кавказский хребет, по которым мятежникам переправлялось все необходимое, с октября по апрель почти все становились непроходимыми из-за дождей и снежных завалов.

Торопились с восстанием и потому, что комитет боялся представления советским правительством автономии горцам, создания Горской республики, которая, как писали члены комитета в одном из своих докладов Врангелю, послужила бы для большевиков «базой для дальнейшей их работы, связанной с Востоком».

Необходимость в немедленном выступлении диктовалась и тем, что у Антанты и Врангеля вызывала страх перспектива соединения «большевиков» и «националистов» — пролетарской революции в России и национально-освободительного движения в Турции. Их целью было не допустить союза Советской России с кемалистской Турцией — сорвать заключение советско-турецкого договора, переговоры о котором велись в Москве в августе 1920 г.

С другой стороны, Антанту и Врангеля беспокоили успехи султанской Турции в проповеди идеи мусульманского государства с турецкой ориентацией, включавшей все мусульманские народы от Каспийского до Черного моря.

Идеальное решение «турецкого вопроса» для Антанты состояло в том, чтобы добиться разрыва между кемалистской Турцией и республикой Советов, спровоцировать разрыв, советско-турецкий конфликт, вовлечь кемалистов в антисоветский фронт (за это Турции обещали «уступки» и пересмотр Севрского договора, представлявшего смертельную угрозу для турецкой государственности и нации).

В гостеприимном Тифлисе находилась и Кубанская рада, интересы которой расходились с антанто-врангелевскими. Рада не ставила своей целью поход на Москву, а стояла за создание «независимой» Кубани, но, поскольку она сама не имела достаточных сил для свержения советской власти в «своем» районе, выступала вместе с Врангелем и Антанто.

Наиболее видные деятели рады «самостийники» И. П. Тимошенко, Л. Л. Быч старались разорвать (особенно после неудачных врангелевских десантов) договор Врангеля с казаками, заключенный 4 августа 1920 г. Вместе с членом рады генералом Султан-Келеч-Гиреем они принимали активное участие в подготовке нового антисоветского восстания. Обладая значительными денежными средствами бывшего правительства Кубани, глава рады И. П. Тимошенко и Султан-Гирей формировали в Грузии отряды и через Гагры отправляли их на Кубань.

Врангелевский комитет регулярно доносил в Крым о совместной с Горским правительством работе Кубанской рады о «вредной для интересов южного командования» пропаганде, которую она вела

на Кубани. Но большой тревоги у комитета «самостоятельность» рады не вызывала. Он не считал ее серьезной организацией из-за «скверной постановки работы в ней».

С разгромом Врангеля пал и его комитет. Ему стали отказывать в помощи и французская миссия, и правительство Грузии. 7–11 ноября 1920 г. советские войска преодолели укрепления крымских перешейков. 9 ноября в Тифлисе был арестован поручик А. Погодин. Ему было предложено в двухнедельный срок покинуть территорию Грузии. 12 ноября 1920 г. в своем письме на имя министра внутренних дел Грузии он «наипокорнейше» просит отменить постановление о высылке, ибо «ни на секунду не считает себя вправе оставить начатое великое дело освобождения Северного Кавказа от большевиков», обещает работать «еще более конспиративно», чтобы «не создавать прецедента для обострения отношений между Грузией и советской миссией».

Меньшевистская Грузия была базой подготовки антисоветского восстания как до, так и после падения Врангеля.

По заключенному 7 мая 1920 г. договору с РСФСР Грузия была обязана не допускать никакой поддержки любой организации или группы, претендующей на роль правительства России или ее части, закрепить пребывание в ее портах пароходов, обслуживающих такие организации и группы, не выпускать из своих пределов интернированных граждан и военных чинов Добровольческой армии. Договор передавал Грузии порт Батум, с условием, что англичане, приглашенные Грузией в декабре 1918 г., уйдут оттуда.

С первых же дней, грубо нарушая условия договора, Грузия охотно предоставляла свою «нейтральную почву» всем врагам Советской республики, каких бы направлений они ни придерживались. Она оказывала содействие врангелевскому комитету не только деньгами, но и оружием. Помощник военного министра Грузии Гедеванов (в начале октября 1920 г. он стал министром) взял на себя роль посредника в сношениях между комитетом и иностранными государствами по вопросу о поставках оружия и боеприпасов.

Когда об этом стало известно советскому правительству и полномочный представитель РСФСР в Грузии С. М. Киров⁵ заявил протест грузинскому правительству в связи с нарушением советско-грузинского договора, Гедеванов нашел выход из положения. «Пусть под флагом торговой фирмы, — учил он членов комитета, — в наши порты идет хлеб, а с хлебом в тщательно замаскированной закупорке патроны, пулеметы. Наш агент под флагом торговой фирмы будет принимать хлеб, а вместе с ним транзитом через Грузию отправлять все для вас необходимое, куда потребуется».

15 сентября 1920 г. Алиханов и Гоцинский получили из Грузии вагон мануфактуры и оружие, 8 сентября — 10 пулеметов, 30 ящиков патронов, 2 тыс. винтовок. В начале ноября 1920 г. из Тифлиса на границу с Дагестаном прибыло 4 вагона с английскими винтов-

ками, 14 подвод обмундирования для повстанцев, 12 ноября — еще 9 фургонов английского обмундирования и оружия. Этот список можно продолжить.

Много оружия и боеприпасов было в самой Грузии. Добровольческая армия при отступлении сдала ей 15 тыс. винтовок, 200 пулеметов, 10 орудий, 267 лошадей с обозом, 4 аэроплана, 25 мотоциклов, 29 автомобилей. Тифлисский арсенал (он мог производить в сутки до 50 тыс. патронов и 1000 снарядов) получил в сентябре 1920 г. от комитета заказ на 4 млн патронов и 10 тыс. снарядов.

Грузинское правительство, как уже упоминалось, помогло комитету установить прочную связь с французской миссией, которая открыла денежный кредит комитету.

Арест Погодина в Тифлисе 9 ноября 1920 г. вовсе не означал, что меньшевистская Грузия переставала быть базой северо-кавказской контрреволюции. Подобные действия грузинского правительства тот же Погодин называл «буффонадой, разыгранной с целью предотвращения могущих возникнуть осложнений с большевиками в связи с советским договором». Вероятно, очередной протест полномочного представителя РСФСР в Грузии заставил выслать Погодина. В то же время арест и высылка нерва комитета означали ослабление влияния Врангеля и усиление, даже преобладание влияния «самостийных» национальных организаций в руководстве повстанческим движением Северного Кавказа, хотя в местечке Мцхет в Грузии не прекращало работу отделение врангелевской контрразведки, осуществлявшее связь с Горским правительством, с Кубанской радой и продолжавшее вербовать в районе Батума силы для отправки в Дагестан.

§ 2. Поддержка повстанцев Северного Кавказа странами Антанты, Врангелем, Грузией после ухода армии Врангеля из Крыма (конец 1920–1925 годов)

В конце ноября 1920 г. остатки армии Врангеля (по его словам, из Крыма эвакуировалось 50 тыс. человек, исследователи называют другие цифры) покинули Крым.

Верховные комиссары Англии и Франции в Турции генерал Харрисон и Пеллэ сделали все, чтобы сохранить остатки врангелевской армии как боевую единицу, не дать им распылиться. Врангелевцы были сведены в 3 корпуса и размещены в лагерях недалеко от Константинополя. Заботу о них взяла на себя Франция. В качестве платы за содержание армии французским войскам в Константинополе были переданы русские корабли, которые были отправлены в Бизерту.

Штаб Врангеля, обосновавшийся в Константинополе, занялся установлением конспиративной связи с Россией для подготовки там нового восстания. Организациями, помогавшими Врангелю,

были вначале константинопольское, а потом и созданное в декабре 1920 г. южное отделение «Центра действия» («ЦД») — органа, образованного в Париже в ноябре 1920 г., главная цель которого состояла в том, чтобы проникнуть в Россию и проводить там подрывную работу. Ячейки «ЦД» и организации Врангеля совместно работали в Одессе, в Крыму, на Кавказе, несколько партий агентов было послано в казачьи области Северного Кавказа. Они должны были готовить восстание, распространять слухи о том, что вскоре «отдохнувшая армия Врангеля высадится на Черноморском побережье». По плану, разработанному Кубанским краевым правительством (оно находилось в Грузии) и штабом Врангеля в Константинополе, вся Кубано-Черноморская область (она снова привлекала внимание руководителей повстанцев своими удобными для накапливания боевых сил природными условиями) была разбита на участки. В каждом из них определенные подпольные белогвардейские организации, возглавляемые офицерами из рассеявшихся остатков армии Деникина, Фостикова, десанта Улагая, начали вновь формировать повстанческую армию.

В Баталпашинском и Лабинском отделах области полковник Даутов-Серебряков, имея широкие полномочия от Врангеля, за полтора месяца объединил более 20 отрядов в группу, громко названную «Народными войсками Северного Кавказа». Связь между отрядами в группе была непрочной, т. к. навязывалась насилием путем приказов. Врангелевцы пытались установить в войсках строгую дисциплину, но попытка не увенчалась успехом. Дневник начальника штаба «Народных войск» Супрунова пестрит сообщениями о то и дело совершаемых грабежах, самовольных отлучках казаков с постов и т. д. В апреле 1921 г. штаб вынужден был вынести решение об объявлении вне закона не подчинившихся Серебрякову и занимавшихся грабежом казаков.

Для усиления влияния Врангеля на население области, для привлечения в отряды бойцов штаб «Народных войск» выступил с так называемой «Программой союза трудовых земледельцев», 13 пунктов которой обещали созыв Учредительного собрания, «всеобщее, прямое, равное, тайное голосование без различия пола», «самостоятельное законодательство по вопросам местной жизни областей, отличавшихся своими национальными, экономическими, бытовыми укладами». Они должны были входить в состав России, которая объявлялась федерацией.

Программа обещала свободу слова, печати, собраний, союзов, совести, стачек, вероисповедания. Обещаны были неприкосновенность личности и жилища, свободный и независимый суд, отделение церкви от государства.

Земля передавалась тем, кто ее обрабатывает, без всякого выкупа. Отменялась трудовая и подводная повинности, разверстка, трудовые

мобилизации, восстанавливались кооперация и свободная торговля. Авторы программы брали на себя обязанность урегулировать споры между казаками, крестьянами и горцами, ввести всеобщее начальное образование, отменить плату за обучение во всех учебных заведениях.

Программа не помогла белогвардейцам. Казачество им не верило, перестало видеть в них силу, способную свергнуть советскую власть. Полковник Серебряков, попавший в плен после разгрома его группы, на допросе рассказал о его беседе с казаками. На его вопрос, почему они, сочувствуя всей душой повстанцам, не помогают им и уклоняются от мобилизации, казаки ответили, что пошли бы с повстанцами, «если бы был фронт близко», т. е. если бы видели солидную силу, ведущую борьбу с советской властью.

В первом же столкновении с Красной армией 20 мая 1921 г. «Народные войска Северного Кавказа» распались на свои составные части, а начальник их штаба оказался в плену.

Другой довольно крупной группой войск, поддерживающей Врангеля на Кубани, была «Дивизия помощи Русской армии генерала Врангеля», которой руководил врангелевский полковник Жуков. Советская разведка характеризовала эту группу как «стройную организацию в правильных воинских соединениях». Она состояла из двух бригад по два полка в каждой.

Договор 22 июля (4 августа) 1920 г. между казачеством Северного Кавказа и Врангелем продолжал действовать и некоторое время спустя после эвакуации Врангеля из Крыма. Прибыв в Константинополь, генерал Врангель, считая договор утратившим силу, предложил атаманам «полюбовно его расторгнуть», но они сочли это преждевременной мерой. Они считали, что для сохранения армии, поддержания в ней порядка необходимо было сохранить общее единое командование до того момента, пока судьбу армии не решат союзники России. Врангель согласился с этим.

Разрыв был осуществлен 13 мая 1921 г. по инициативе Врангеля, ввиду резко осложнившихся отношений его с казаками.

«Охлаждение» взаимоотношений произошло потому, что в составе правительства Врангеля в эмиграции, Русского Совета, который определял сам главнокомандующий, из 30 мест только 3 были представлены казаками, хотя казачьи силы составляли не менее половины «Русской армии» Врангеля. Такое представительство не могло не обидеть казаков.

В январе 1921 г. атаманы и правительства казачьих войск заключили между собой соглашение, по которому создавали свой руководящий орган — Объединенный Совет казачьих войск — и лишали Врангеля права внешних сношений, как и права заниматься финансово-экономическими и политическими вопросами. Казаки сами хотели сноситься с Францией и США по вопросу улучшения положения «братьев-казаков в том тяжелом положении, в котором

они оказались». Поскольку они считали, что «необходимо продолжение вооруженной борьбы с Советской властью», Объединенный Совет письменно подтвердил свое признание Врангеля главнокомандующим.

Врангель не признал ни соглашений, ни Объединенного Совета казачьих войск. Не принял он и проект Русского совета, предложенного казаками, в котором казачеству «предполагалось дать достойное место, соответствующее его участию в 3-летней борьбе с большевиками, значению и силе».

11 мая 1921 г. Русский совет признал главнокомандующего свободным от каких бы то ни было обязательств по отношению к атаманам и правительству казачьих войск, обвинив их в нарушении договора 22 июля (4 августа) 1922 г., в «пагубных действиях» и «стремлениях создать независимое казачье государственное образование», «заменить сохранившуюся единую противосоветскую власть гибельным многовластием» и «отделить казачество от общерусских сил». Объединенный Совет казачьих войск на обвинения Русского Совета ответил постановлением от 26 мая 1921 г., которое считало «обоядно расторгнутыми» соглашения казаков с Врангелем от 2 апреля и 22 июля 1920 г. Войсковым атаманам предписывалось «вновь принять всю данную им законами краев власть». С главнокомандующим и Русским советом решено было «продолжать поддерживать деловые отношения», поскольку Врангель обещал продолжать заботиться о казаках. Постановление предписывало сообщить «о вышеизложенном» войсковым кругам и раде, войскам и беженцам.

Но даже после этого «разрыв» Врангеля с Объединенным Советом не был окончательным.

В конце марта 1921 г. верховный комиссар Франции в Константинополе Пеллэ сообщил Врангелю о решении прекратить снабжение его армии. К этому времени на ее содержание было израсходовано, по подсчетам французского правительства, 200 млн франков. Только $\frac{1}{4}$ часть этой суммы покрывалась стоимостью судов и товаров, отданных Врангелем Франции. Ее правительство больше не видело смысла поддерживать Врангеля. Официальные приказы о прекращении выдачи пайков русским беженцам в 7 лагерях с 15 июля 1921 г. были расклеены на стенах всех учреждений Константинополя. Русская армия расселялась по разным странам. К середине декабря 1921 г. закончился ее переезд из Турции в Болгарию, Сербию, Югославию, Чехословакию, Венгрию. В прощальных речах перед отъездом Врангель заявлял, что «услуги сохранившейся части армии скоро понадобятся», что «по призыву командующего армия должна будет вновь приняться за осуществление прерванного дела», его агенты на Кубани продолжали обещать повстанцам, что «отдохнувшая армия вскоре высадится на Черноморском побережье». Этому все верили мало.

Даже в это время, несмотря на официальное расторжение союза казаков с Врангелем, он все еще продолжал действовать, многие казаки и сам Врангель не считали «разрыв» серьезным. На вопрос корреспондента «Последних новостей» в конце сентября 1921 г. Врангелью: «Как конфликт с казаками?» тот ответил: «Никак. Какой же конфликт, если я командую казачьими частями, переправляя на Балканский полуостров весь Лемнос? Поверьте, в казачьем вопросе я сейчас сильнее, чем когда-либо». 13 октября 1921 г. Врангель еще раз подтвердил, что, «несмотря на некоторые политические расхождения, мое сотрудничество с атаманами прежнее. Самостоятельность чужда громадной массе казачества». Врангель явно переоценивал свое влияние на казачество — влияние его на повстанческое движение Северного Кавказа резко упало после Крымской катастрофы; расторжение договоров и переезд армии на Балканы также способствовали падению его авторитета среди казачьих масс.

Всеобщего антисоветского восстания на Северном Кавказе, которое Врангель и его покровители планировали на май 1921 г., не произошло. Врангелевский десант, обещанный им, не был высыпан на побережье Черного моря. В мае при первом же столкновении с красными войсками распались «Народные войска Северного Кавказа», в мае же части IX Кубанской армии разгромили «Дивизию помощи Русской армии генерала Врангеля» полковника Жукова.

Причины неудач Врангеля следует искать не только в том, что Белогвардейское движение с ориентацией на него не имело глубоких корней в казачьей массе, в «самостийниках» Кубани, которые даже порицали движение белогвардейцев, агитируя против него. С внешней стороны между «самостийниками» и врангелевцами был полный контакт, ибо они понимали необходимость объединения. Казаки Кубани рассчитывали на десант Врангеля, который помог бы им осуществить «самостийные» цели. Многие ожидали с десантом родных и близких, которые бежали с крымской армией за границу. Большую роль в разгроме повстанчества весной 1921 г. сыграл тот факт, что Врангель без помощи Антанты становился бессильным и не мог помочь повстанцам. В последующие периоды руководство повстанческим движением прочно перешло в руки «самостийных» организаций, хотя Врангель пытался сохранить его за собой.

Н. Воронович говорил о том, что сторонники Врангеля играли «большую роль» в создании «Кубанской повстанческой армии», в которую вошли остатки армии Фостикова, «Народных войск Северного Кавказа» Серебрякова, другие повстанческие отряды. Эта армия была «оплотом всех тайных надежд Кубанской рады и главной артерией, питавшей всю Кубань “самостийной” пропагандой». Она начала создаваться летом 1921 г. 18 июля 1921 г. совещание руководителей отрядов утвердило ее командующим генерала Пржевальского.

Врангелевцы, как считает Н. Воронович⁶ «решили использовать начавшееся восстание и подчинить его себе».

Сначала казаки охотно пополняли армию, вскоре численность армии достигла (вместе с «махровыми», пишет Воронович) 5000 человек. Затем, когда Пржевальский объявил себя диктатором и отказался от требований «самостийников» ограничиться ролью военного руководителя, казаки отошли от него и перестали его поддерживать. 22 сентября 1921 г. при переправе через реку Белую советские войска под командованием С. М. Будённого разбили «Повстанческую армию», численность которой к тому времени не превышала 500 человек.

Весной 1922 г. Врангель попытался вновь активизировать свою деятельность по подготовке нового восстания в России. Лондонская газета «Дейли геральд», которую белая эмиграция считала пробольшевистской, устами римского корреспондента этой газеты, выходца из монархических кругов, не вызывавшего сомнений в своей ненависти к Советской России, в начале марта 1922 г. заявила, что штаб Врангеля разработал план кампании, предусматривающий переброску расположенных в Болгарии и Югославии воинских частей через Румынию на Украину с базой в Бендерах. Говорилось также о связи организаторов наступления с великим князем Николаем Николаевичем. В беседе с белградским корреспондентом «Последних новостей» Врангель назвал эти слухи «вымыслом большевиков», но, представляется, они имели под собой какую-то основу.

К этому времени 50-тысячная врангелевская армия была расселена в Сербии (большая часть), в Чехословакии, Болгарии, Греции и Польше. Как заявил Врангель представителям сербской печати, «все части бывшей Русской армии, рассеянные по различным странам, сохранили свою военную организацию и с нетерпением ожидают того дня, когда они смогут вновь посвятить свои силы освобождению России».

Корреспонденту парижской газеты «Руль» Врангель сказал, что штаб предписал всем военным агентам за границей приступить к регистрации военных, но что это, мол, отнюдь не означает подготовку к немедленной мобилизации. Военным были разданы опросные листы, содержащие 20 вопросов. На главный из них — желает ли лицо вернуться в ряды армии, когда того потребуют обстоятельства, в одной только Софии положительно ответили 10 тыс. человек.

17 марта 1922 г. Врангель приехал в Белград, где были созваны близкие ему генералы. Последовал целый ряд перемирий и назначений. Для создания «единого национального фронта» с армией из Парижа приехала делегация представителей белой эмиграции во главе с А. В. Карташевым и В. Л. Бурцевым. Объединению помешал Русский Совет при Врангеле, который считал себя «государственным органом».

В марте 1922 г. проходили оживленные сношения Врангеля с С. В. Петлюрой, который имел за границей 15-тысячную армию. Союз между собой они заключили в конце 1921 года.

Но без поддержки покровителей Врангель, этот «последний преемственный носитель российской государственной власти», уже не мог ничего сделать. В странах, где находились врангелевцы, злоупотреблявшие гостеприимством, начались конфликты между ними и населением. Печать этих стран требовала немедленного и окончательного разоружения военной силы и превращения армии в беженцев, которые должны были подчиняться гражданской власти. Из Софии, где находился штаб Врангеля, якобы был перехвачен приказ генерала Кутепова о мобилизации. Совет министров Болгарии выслал в мае 1922 г. 40 и наметил к высылке более 130 человек командного состава армии. 16 мая Врангель послал телеграмму болгарскому правительству с угрозой, что «руssкие воины могут быть вынуждены сомкнуть ряды вокруг своих знамен», но этих угроз уже не боялись.

С предостережением и попыткой «предупредить заблуждающихся» выступила милюковская газета «Последние новости». Редакционная статья, обращаясь к врангелевцам, старалась убедить их в том, что «в России среди разных ее слоев происходит процесс, в который нельзя ворваться безнаказанно, особенно тем людям, репутация которых подорвана». «Разведка Врангеля может уверить его, — писали авторы статьи, — что в России только и ждут прихода твердой власти... Возможно, в России есть такие настроения, но на одиночные голоса не следует полагаться». «Надо помнить, что в случае вторжения извне враждующие между собой силы все обратятся против пришельца, а население если не сразу, то очень скоро узнает в пришельцах черты навсегда отвергнутого прошлого». Кадетская эмиграция говорила о неприемлемости для послереволюционной России «Белого движения» («движение этой окраски не найдет опоры в России») и призывала «участников возможной авантюры» воздержаться от новых жертв и ошибок, которые могли бы остановить «естественный ход русского освобождения». Это было мнение парижской группы кадетов, выступивших с так называемой «новой тактикой» по отношению к России 21 декабря 1920 г.

С их мнением совпадало мнение Н. Вороновича, выступавшего в Париже от имени «зеленых», т. е. повстанцев — «самостийников» Кубани и Причерноморья. Он обвинял «константинопольских авантюристов» и «другие руки, которые тянутся к «зеленому движению», желая использовать его в своих интересах, пытаются установить с ним связь, засыпают своих агентов и рассчитывают при помощи сочувствия им «махровых» прибрать «зеленые банды». Идеолог и организатор повстанчества уверенно заявлял, что «все эти господа жестоко ошибаются в своих расчетах — «зеленые» не пойдут за ними, ибо уроки прошлого им хорошо памятны».

К концу 1922 г., лишенное массовой поддержки местного населения и помощи извне, повстанческое движение постепенно капитулировало перед советской властью. Этому способствовали и многие другие причины.

Не надеясь больше на Врангеля, страны Антанты обратили свои взоры к бывшим кавказским правительствам, оказавшимся в Париже после победы советской власти в 1920 г. в Азербайджане и Армении и в марте 1921 г. — в Грузии. В начале июля 1921 г. французская печать горячо приветствовала заключение соглашения между представителями бывших правительств Грузии, Азербайджана, Армении, Северного Кавказа о совместном выступлении против Советской России. Соглашение возлагало также на договаривающиеся стороны регулирование отношений с Врангелем и ангорским правительством Турции*.

«Создание жизнеспособной закавказской конфедерации, — писали газеты, — явилось бы крупным успехом французской внешней политики. Франкофильское государство, являющееся буфером между Россией и Турцией, определило бы окончательную ориентацию последней в сторону Франции и на случай утверждения в России советской власти создало бы между красной империей, с одной стороны, сирийским протекторатом Франции и ее северо-африканскими владениями, с другой, сплошную “китайскую стену” от Кавказского хребта до Средиземноморского побережья».

Далее высказывались восторженные мечты о том, что Франция и Италия, способствуя созданию кавказской конфедерации, «распространяли бы свое экономическое влияние на нефтяные недра Закавказья». Попутно французская пресса раскрывала интересы Англии, которая тоже «ради нефтяных недр Закавказья» стремится заменить сильную Турцию слабой Грецией», а для того, чтобы успешно «отразить напор красной России», пытается занять господствующее положение «в Малой Азии и в созидаемых ею Аравийском государстве и новом халифате в Мекке».

Французское правительство обосновало экономическую необходимость объединения Северного Кавказа и Закавказья в «конфедерацию»: «Без Кубано-Донского плацдарма (хлеб и уголь) нельзя успешно отстаивать Закавказскую (нефть и ископаемые) независимость. Казачьи земли могут успешно обороняться, только опираясь на Кавказский хребет и имея как тыл Закавказье».

Председатель Совета министров Франции А. Бриан устроил прием в честь договорившихся дипломатов. На нем присутствовали

* Автор не назвал имени «бывшего феодального хана», к которому ездили «паритетчики». Но им не мог быть никто другой, кроме Али Митавса, у которого, по сведениям советской контрразведки, как уже говорилось, было около 12 тыс. вооруженных мюридов.

и представители Англии, вступившие в контакты с бывшими правительствами.

В середине июня 1921 г. англичане предложили главе бывшего грузинского правительства (оно капитулировало 17 марта 1921 г., 18 марта бежало из Батуми за границу) Н. Жордания⁷, обещавшего поднять в Грузии антисоветское восстание, высадить десант на Черноморском побережье. Англия обязывалась поставить полный комплект вооружения, снаряжения, обмундирования для 50-тысячной армии. Сверх того она обещала содержать 25-тысячную армию на территории, которую займут восставшие. Штабу восстания на организационные расходы отпускалось 50 тыс. фунтов стерлингов. Предполагалось, что снабжать обе армии будет врангелевский орган — интендантство. Эти планы, хотя и оставались на бумаге, оказывали некоторую моральную помощь повстанцам в Советской России.

С конца 1922 г. повстанчество в бывших казачьих областях, как о том сообщали органы ГПУ, уже не имело связи с заграничными организациями. В горских же районах края, особенно в Чечне, где скрывались самые влиятельные руководители повстанцев, последние продолжали пользоваться поддержкой зарубежных покровителей.

С начала 1923 г. Н. Гоцинский готовил новое восстание против советской власти. Имам требовал от нее «освобождение всех горцев Кавказа и Астрахани до Ростова», чтобы создать на этой территории шариатское государство. Большую помощь Гоцинскому оказывал чеченский шейх Али Митаев, который, по сведениям ОГПУ, имел 12 тыс. преданных ему мюридов.

Значительно активизировалось повстанческое движение на Кавказе в связи с подготовкой грузинскими меньшевиками антисоветского восстания в Грузии, к которому они хотели привлечь весь Северный Кавказ. Его планировали начать в августе 1924 г., когда предполагалось доставить в Грузию закупленные в Европе и Америке оружие и патроны.

Интерес к закавказскому мятежу проявляли не только грузинские меньшевики, но и заграничные нефтяные фирмы. Французские газеты того времени писали, что подавление восстания в Грузии явится прямой угрозой для Франции, ибо по территории Грузии проходит нефтепровод Баку–Батум «бесценной стратегической важности». Десятой доли горючего, которое он перекачивал, «было бы достаточно для Франции». Франция не могла, по мнению авторов статей, оставить «такой важный инструмент в руках Советов», поэтому она должна была требовать независимой Грузии под эгидой Лиги Наций⁸.

Чтобы добиться дипломатического вмешательства западноевропейских государств в «защиту» Грузии и денежной помощи от них, организаторы мятежа должны были убедить покровителей в значительной силе мятежников. Соответственно этому, как признавался позднее член ЦК меньшевиков Ониашвили, «Паритетный комитет»,

занимавшийся подготовкой восстания, «очень основательно нащупывал пути для всеобщего выступления на Кавказе», завязывая сношения с любыми антисоветскими организациями.

Наиболее серьезное внимание было направлено на Чечню, куда для переговоров с Али Митаевым был послан представитель «Паритетного комитета». Али Митаев вскружил голову меньшевикам, заявив сначала, что может выставить 90 тыс. вооруженных людей. В декабре 1923 г. он говорил уже о 60 тысячах, а в марте 1924 г. сообщил, что, если грузины дадут деньги, офицеров, патроны, снаряжение, он выставит 1,5 тыс. человек.

Руководителям антисоветского восстания в Закавказье не удалось поднять на него Чечню, Ингушетию, Дагестан, как ни пытались они это сделать. В самой Грузии восстание, начатое 28 августа 1924 г., продолжалось фактически 2 дня. Оно вылилось в авантюру, не поддержанную населением, хотя эмигрантские газеты до октября 1924 г. продолжали писать, что Грузия горит в огне восстаний, что оно будто бы распространилось на весь Северный Кавказ и Украину. Складывается впечатление, что меньшевики сознательно обманывали общественное мнение Западной Европы, сообщая загранице преувеличенные данные, чтобы добиться вмешательства капиталистических государств во внутренние дела Грузии.

9 сентября 1924 г. парижская газета сообщала о том, что глава бывшего грузинского правительства Н. Жордания обратился в Лигу Наций с предложением «вмешаться в советско-грузинский конфликт для решения его путем международного арбитража».

От имени французского, британского и бельгийского правительства Поль Банкур внес на рассмотрение Лиги Наций резолюцию по грузинскому вопросу. 11 сентября 1924 г. газеты опубликовали текст принятой резолюции: «Лига предлагает Совету внимательно следить за развитием событий в Грузии с тем, чтобы мирными мерами содействовать сохранению нормального положения в стране. Меры эти должны соответствовать международному праву».

Это фактически была отписка. Европейские страны не хотели поддерживать «правительство», которое не имело ни военных успехов, ни территории: оно не могло помочь им в получении желанных «нефтяных недр Закавказья» и «китайской стены», с помощью которой можно было бы отгородиться от революционной России.

§ 3. Роль Турции в поддержке повстанцев Северного Кавказа (1920–1925 годы)

Существенное влияние (в основном на горское повстанческое движение) оказывала султанская Турция, имевшая на Кавказе свои, отличные от антантовских, интересы. Турция намеревалась провести в жизнь свои идеи об объединении всех мусульманских

народов в независимую от России Горскую республику с турецкой ориентацией. Проводником этой идеи было Горское правительство. Столкновение между врангелевским «Комитетом содействия терским казакам и горцам по их освобождению от большевиков» и Горским правительством были неизбежны, они отражали противоречия стран Антанты и Турции в кавказском вопросе.

Вполне закономерна была и их консолидация. Ближайшая цель и у комитета, и у Горского правительства была одна — свержение советской власти на Тереке и в Дагестане. Врангель и стоявшие за ним страны Антанты не могли не учитывать социальных, национальных, религиозных особенностей народов, которые они хотели поднять на борьбу, а значит, на первых порах вынуждены были поддерживать Горское правительство, хотя и подорвавшее свой авторитет из-за своей политики по отношению к своим народам, но все еще имевшее какое-то влияние на горцев. У Турции, в свою очередь, не было тех средств, которые могла предоставить повстанцам Антанты.

Султанская Турция давно ратовала за создание северо-кавказской шариатской монархии (или республики), «которая охватила бы все мусульманские народы Северного Кавказа от Каспийского до Черного моря». Эти идеи находили широкий отклик в горных районах, где население в основном исповедовало ислам, а «владетель души и тела правоверного», мусульманское духовенство, пользовалось большим авторитетом и влиянием.

Весной 1920 г. члены Горского правительства, бежавшие в 1918 г. в Грузию, находились и там, и в Азербайджане, и в Турции. Не надеясь на свой авторитет и влияние среди горцев, они обратились за помощью к Турции в подготовке антисоветского восстания. Однако весной и летом 1920 г. Турция не могла активно поддержать повстанцев из-за резко обострившегося в это время внутриполитического положения. Там развернулось мощное национально-освободительное движение, возглавляемое Кемалем Ататюрком, которое получило существенную помощь и поддержку со стороны Советской России.

Антанта и Врангель были весьма озабочены развитием советско-турецких отношений. С одной стороны, их тревожило улучшение этих отношений, с другой — беспокоили успехи султанской Турции (а следовательно, и Горского правительства) в проведении идеи отмежевания горцев от России и создания мусульманского государства с турецкой ориентацией.

Антанта и Врангель не желали, чтобы Турция проводила самостоятельную политику. Важнейшей их целью было не допустить заключения советско-турецкого договора, спровоцировать советско-турецкий конфликт, вовлечь кемалистов в военные действия на Кавказе, добиться ослабления Турции с тем, чтобы установить здесь свое господство. Очевидна и антитурецкая, и антисоветская

направленность этих планов. Военное столкновение Турции с Советской Россией явилось бы большой помощью Врангелю.

Попытки договориться с кемалистами предпринимались Антантои и в Стамбуле, и в Анкаре, и в Тифлисе. Кемалю обещали аннулировать кабальный для Турции Севрский договор, если он даст свою армию для завоевания Кавказа.

Опасность этих контактов для России усугублялась тем, что среди кемалистов имелись влиятельные деятели, которые отнюдь не стремились к упрочению советско-турецкого сотрудничества, пытались сорвать подписание договора Турции с РСФСР. Например, тогдашний министр иностранных дел Бекир Сами, участвовавший в московских переговорах в августе 1920 г., воспользовавшись разрешением советского правительства посетить родину предков (Осетию), установил связи с буржуазно-националистическими группировками в Чечне, Ингушетии, Дагестане, Азербайджане, агитировал за «независимую горскую республику», о чем находившийся на Кавказе Г. К. Орджоникидзе⁹ телеграфировал В. И. Ленину.

Сильнейшее давление на кемалистов имело некоторый успех. 24 сентября 1920 г. началась спровоцированная Антантои армяно-турецкая война, несправедливая, захватническая со стороны Турции. Это был удобный повод для создания советско-турецкого конфликта.

Война резко усилила влияние Турции на повстанческое движение Дагестана и Терека. Духовенство Турции, некоторые кемалистские деятели активно вели панисламистскую и пантюркистскую агитацию среди горцев, особое внимание уделяя тем горным округам Дагестана и Чечни, которые когда-то входили в имамат Шамиля.

Здесь создавала свои ячейки строго законспирированная мусульманская партия «Иттихиат-Ислам», целью которой было объединение всех мусульман в государство «со знаменем турецкого образца, с турками во главе военных организаций». Турецкие офицеры готовили партию к восстанию. В вооруженных отрядах «иттихиатистов» весной 1921 г. было несколько тысяч человек, поддержавших мятеж Н. Гоцинского. Подделав печать и штамп Особого отдела XI армии, члены партии под видом красноармейцев производили крупные ограбления, передавая добытые средства и оружие мятежникам.

Гибкая политика советской дипломатии помешала Антанте вбить клин между РСФСР и Турцией, не допустила союза кемалистов с Антантои. 29 ноября 1920 г. в Армении была установлена советская власть. 16 марта 1921 г. был подписан советско-турецкий договор о мире и братстве.

Инициатива в привлечении к восстанию против Советов внука Шамиля, Саид-бяя, вероятно, принадлежала Турции. Без сомнения, его поддерживала Франция, а следовательно, и Врангель.

Саид-бей, как его характеризовала французская газета «Пресс-дю Суар» от 2 января 1921 г., несмотря на молодость (22 года), был не-

заурядной личностью. Родился он, по сведениям того же источника, в с. Гимры Аварского округа Дагестана. Детство его прошло частью в Турции, где его отец, Магомед Камиль, крупный сановник, затем дамасский генерал-губернатор, пользовался большим влиянием. Саид-бей получил образование в Западной Европе, владел французским языком, изучил Коран. Он смотрел на себя как на «спасителя Кавказа». Хотя мятеж в Дагестане и Чечне получил название мятежа Гоцинского, роль Саид-бея в нем была весьма значительной, а зарубежная русская пресса называла это движение «восстанием Шамиля».

Отличительной особенностью мятежа Гоцинского в 1920–1921 гг. в Дагестане, а особенно в Чечне являлось то, что руководители повстанцев ориентировались на Турцию, а провангелевски настроенные Н. Гоцинский, полковник К. Алиханов и некоторые другие, хотя и принимали участие в военных действиях, не имели того значения, что раньше. В Чечне Гоцинский появился вообще к концу мятежа.

Мятеж носил ярко выраженный религиозный отпечаток, временами отличался религиозным фанатизмом. Отчасти это объяснялось тем, что его возглавил Саид-бей, непосредственно руководивший военными действиями. Наиболее фанатично настроенному населению горных аулов, духовенству, удалось внушить мысль об объявлении Красной армии кровной мести.

Усиление влияния Турции на события в Дагестане и Чечне почувствовалось сразу после падения Врангеля. Суда, на которых плыли врангелевцы, еще не успели достичь Константинополя, а в Грузии на заседании Горского правительства под председательством Цаликова в присутствии представителей Кемаля-паши 17 ноября 1920 г. была избрана комиссия для организации восстания и борьбы против советской власти. <...>

